

УДК 94(=181)(=161.1)9571.56)

Русские старожилы Якутии: культура и ландшафт¹

© **Боякова** Сардана Ильинична, доктор исторических наук, заведующая сектором арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Контактный телефон: +7 (4112) 36 64 51. E-mail: boyakova@mail.ru.

На примере ареальных групп русских старожилов (русскоустыинцев, походчан, амгинских, олекминских и ленских крестьян) реконструированы базовые социально-экономические параметры, освещены традиционные образы сельского культурного ландшафта Якутии. Формирование культуры жизнеобеспечения русских старожилов региона рассматривается как результат многовариантного сочетания различных природных и культурных комплексов в общем пространстве периферийного континуума.

Ключевые слова: ландшафт, этнос, культура, система жизнеобеспечения, природопользование, мировоззрение, русские старожилы, Якутия.

Russian old-settlers Yakutia: culture and landscape

© **Boyakova** Sardana Ilyinichna, Doctor of History Sciences, Head of the Arctic Studies Sector of the Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the SB RAS. Contact phone: +7 (4112) 36 64 51. E-mail: boyakova@mail.ru.

Abstract

Of the example of the areal groups of Russian old-settlers (ruskoustyintsy, pokhodchane, the Amga, the Lena and the Olyekma peasants) have been reconstructed the basic socio-economic parameters, has been highlighted the traditional image of the rural cultural landscape of Yakutia. Formation a culture of life-support Russian old-settlers in the region is seen as the result of the multivariate combination of natural and cultural complex in the peripheral area of the continuum.

Keywords: landscape, ethnos, culture, the system of life supplies, nature-usage, outlook, Russian old-settlers, Yakutia.

История русского населения всегда являлась одной из ключевых тем историографии Якутии. Рассматривая проблемы присоединения края к России, его социально-экономического, культурного развития, межэтнических контактов, исследователи не могли обойти вниманием

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 11-13-14002) и РФФИ (проект № 12-06-98505-р_восток_a).

историю формирования и этнокультурного развития русского населения самого крупного региона Сибири. Еще дореволюционные путешественники и ученые отмечали своеобразие развития русского народа в условиях Крайнего Севера. Упоминания о русских жителях Якутии мы находим у С. Крашенинникова, Ф. Врангеля, А. Миддендорфа, Н. Щукина и др. Более подробно русские старожилы Якутии охарактеризованы в исследованиях А. П. Щапова [24], который, рассматривая вопросы влияния на русское население коренных народов Сибири, сделал вывод о трансформации русской народности в якутско-русскую. В конце XIX века были опубликованы работы В. И. Иохельсона [9], Ф. Я. Кона [11], М. С. Вруцевича [3], затрагивавшие вопросы этнокультурного развития русского населения Якутии.

Видное место в изучении дореволюционной истории русского населения Якутии принадлежит И. И. Майнову [12–14]. В своих исследованиях он на огромном фактическом материале охарактеризовал хозяйство, быт, общественные отношения и культуру русского крестьянства, впервые научно поставил и попытался решить вопрос о метисном (смешанном) русско-якутском и русско-тунгусском населении. Несмотря на отдельные недостатки, заключавшиеся в идеализации крестьянской общины и стремлении умалить развитие капиталистических отношений в крестьянской среде, его работы и сегодня являются ценным источником при рассмотрении различных вопросов крестьянского образа жизни и истории русского населения Якутии в целом.

Дореволюционной истории русского населения северо-востока Азии посвящен и ряд трудов советских историков. В работах Ф. Г. Сафронова [18–20 и др.], Г. П. Башарина [1–2], В. Н. Иванова [5–6], А. А. Избековой [8] подробно показаны процесс формирования русского старожильческого населения, его хозяйственная деятельность и межэтнические контакты в экономической, общественно-политической и духовной сферах. Современные исследователи В. Б. Игнатьева [7], И. Г. Романов [16–17], Т. П. Петрова [15], Е. А. Строгова [21] впервые попытались выявить демографические характеристики и основные тенденции этнокультурного развития русских старожилов на ранних этапах их существования в региональном социуме Якутии, а также в новейший период. В этнографическом отношении русское население Якутии практически не изучено, если не считать ряда неоднократно переиздававшихся историко-этнографических очерков А. Г. Чикачева, посвященных арктическим старожилам региона [22].

Итак, за почти четыре столетия, минувших после включения Ленского края в состав России, в Якутии сложилось постоянное русское население, которое большинство зарубежных и отечественных исследователей относят к категории старожильческого. При этом следует подчеркнуть, что русские не являлись носителями одной локальной культуры. Они переселялись в

Якутию в разные периоды, с разными целями, расселялись в отличных по природно-климатическим и социально-экономическим условиям местах, сами являлись выходцами из разных сословий и регионов страны. Все это наложило определенный отпечаток на их образ жизни и привело к созданию на территории Якутии групп старожильского населения, в значительной степени отличающихся друг от друга. Такие группы русских старожилов, как приленские крестьяне, казачество, мещане Индигирки и Колымы, характеризовались разной степенью изменения хозяйственно-культурного типа, восприятия местных традиций, разной степенью приспособления или утраты родного языка и культурных признаков материнского этноса. Роль этих групп в различные периоды истории Якутии не была одинакова.

Присоединение Сибири и стремительное продвижение казачьих отрядов в восточном направлении обусловили начавшуюся в XVII веке российскую колонизацию обширной территории северо-востока Азии. Двигаясь «встречь солнцу», русские строили остроги, зимовья, заимки. Уже к концу XVII – началу XVIII века на территории Якутии возникли два очага комплексного проживания русских. Первый – южный – находился в таежной зоне и охватывал побережье реки Лены от поселка Витим (граница с Иркутской областью) до города Якутска и поселения по реке Амге, а так же возникшие в конце XVIII века поселения на реке Мае. К этой зоне тяготели и русские поселения по Вилюю. Второй – северный – располагался в зоне тундры и включал в себя населенные пункты в низовьях рек Колымы, Индигирки, Яны, Лены и Оленька.

В целом, комплексная культурно-географическая характеристика Якутии была схожа с Русским Севером и определялась следующими параметрами (по В. Н. Калуцкову): удаленность, окраинное положение; отсутствие помещичьего землевладения, крепостного права; экстремальные климатические условия, тесная связь хозяйственного цикла с природой; комплексный тип хозяйства; полиэтничность регионального социума; распространение билингвизма (в основном русско-якутского), говоры (индигирщина, походский и др.) [10, с. 169–172].

Однако природно-ландшафтные особенности каждой зоны определили различие хозяйственно-культурных типов и моделей адаптации русских к экстремальной среде региона.

Основой хозяйства русских крестьян Центральной и Западной Якутии, потомков осевших на землю служилых и промышленных людей и посаженных на пашню ссыльных, с которыми фактически слились ямщики, переселенные из Сибири и Центральной России для устройства в середине XVIII века Иркутско-Якутского почтового тракта (сюда же можно отнести и якутских казаков), было земледелие – хлебопашество и огородничество. Землю, в отличие

от других районов Сибири, где более продолжительное лето позволяло проводить тройную вспашку, вспахивали дважды – весной и осенью, в конце августа – начале сентября. Обычно посев производили в мае, а уборку хлеба начинали в августе и продолжали до середины сентября. При этом урожаи находились на уровне среднероссийских – 15–25 ц с га. Такие урожаи стали результатом почти трехсотлетних усилий крестьян витимско-ленского земледельческого района, выработавших специфические приемы агротехники в условиях вечной мерзлоты. Крестьяне акклиматизировали значительное количество зерновых и огородных культур, вывели собственный сорт пшеницы Теремок, пользовавшийся популярностью во всей Восточной Сибири. Молотьба начиналась обычно с наступлением сильных морозов (в конце января-феврале). Ток устраивали на льду озера, реки или во дворе, долго и часто поливая выбранное место водой для образования толстого и гладкого льда, заменявшего собой характерный для Центральной России утрамбованный и смазанный глиной ток [21, с. 540–541, 546–547]. Большое значение в хозяйствах русских крестьян также имело животноводство: старожилы держали коров, лошадей, в южных округах – овец, частично свиней и кур. Существенным подспорьем являлись охота и рыболовство. Технику содержания скота русские переняли у коренных жителей – якутов, потомков переселившихся за несколько веков до них тюрко-монгольских племен, сумевших адаптировать к условиям Крайнего Севера скотоводческое хозяйство [19, с. 376]. Однако русские привнесли в эти отрасли некоторые усовершенствованные орудия труда и промыслов (коса-литовка, сети, огнестрельное оружие и т. д.), типы хозяйственных построек, средства передвижения (считается, что якуты и эвенки позаимствовали нарты у русских, до этого времени они передвигались исключительно верхом). В соответствии с более суровыми климатическими условиями значительным модификациям подверглись традиционные жилища, одежда, пища, домашняя утварь русских переселенцев. Именно в этих областях произошли наиболее значительные этнокультурные заимствования от местных аборигенов.

В этноконтактных зонах – поселениях амгинских, сунтарских и олекминских «пашенных» крестьян, районах, прилегающих к Иркутско-Якутскому почтовому тракту, – происходили интенсивные ассимиляционные и аккультурационные процессы. Именно тогда возникает культурный феномен «обьякучивания» местного русского населения. Несмотря на то, что у русского и якутского населения изначально наблюдались существенные различия в хозяйственно-культурном типе, языке, образе жизни и культуре, малочисленность новоселов, их удаленность и полная оторванность от родины привели к тому, что для них очень быстро господствующими стали связи с местным населением. В тех районах, где занятие земледе-

лием перестало иметь этнодифференцирующий характер, как, например, в Амгинской слободе и на Вилюе, вследствие перенятия хозяйственно-культурного типа коренных народов, языка и духовной культуры якутов, изменив под воздействием постоянных межнациональных браков антропологический тип, уже во второй половине XIX века местные русские стали причислять себя к якутам. Устойчивую национальную идентичность, несмотря на билингвизм, а кое-где и полный переход на якутский язык, продолжают сохранять до настоящего времени русские старожилы Приленья, сумевшие сохранить традиционный род занятий – земледелие, благодаря постоянному притоку вольных и невольных переселенцев из Центральной России.

Иные процессы происходили на севере Якутии. В арктической зоне у русских старожилов сложилось комплексное промысловое хозяйство, основными составляющими которого стали рыболовство, песцовый промысел, добыча нерпы, охота на диких северных оленей и ленную дичь. Позднее, в качестве отхожего промысла, распространение получила добыча мамонтовой кости. Первоначально ареал проживания этой группы русских старожилов Якутии охватывал низовья Лены, Оленька, Яны, Индигирки и Колымы. Здесь селились, в основном, промышленники и торговые люди – выходцы с Русского Севера: устюжане, усольцы, мезенцы, холмогорцы, пинежане и др. [22, с. 10]. К настоящему времени устойчивое русское самосознание и этнокультурную самобытность сохранили лишь жители Индигирки (русскоустыинцы) и Колымы (походчане), остальные (усть-оленекские крестьяне, верхоянские мещане и др.) полностью ассимилированы местными аборигенными этносами – якутами, эвенками и эвенками.

В силу природно-ландшафтных особенностей зоны тундры с вечномерзлыми почвами, множеством озер и речек, среднегодовой температурой -15°C и снежным покровом в течение 8–9 месяцев, здесь полностью отсутствовали земледелие и животноводство. Главным и основным занятием русских старожилов Арктики являлось и является рыболовство. Слова «рыба» и «еда» здесь тождественны, поэтому часто можно было услышать выражения «Еда появилась», «Еду хорошо промышляли», «Без еды сидят» [22, с. 36]. Все рыболовные участки традиционно закреплены за отдельными семьями. Это определило и особенности поселенческой структуры старожилов, которые дисперсно расселились на небольших заимках по 1–4 хозяйства вдоль реки. Так, например, русскоустыинцы, по сведениям ссыльного эсера В. М. Зензинова, в начале XX века проживали в 29 заимках, исконно русские названия которых: Стариково, Станчик, Лобазное, Косухино, Яр, Ожогоино, Блудное и т. д. свидетельст-

вуют о приоритете и границах освоения русскими арктических районов Якутии [4, с. 152–154].

Основным видом транспорта русскоустыинцев и походчан были ездовые собаки. В отличие от северных якутов, перенявших оленеводство от автохтонов, русские так и не смогли освоить этот вид транспорта. Даже в условиях насильственно внедрявшегося в советский период разведения оленей в колхозах, русскоустыинцы, например, нанимали для ухода за ними юкагиров [23, с. 56]. Причина крылась здесь, очевидно, в необходимости ведения для развития оленеводства кочевого образа жизни, что для русских означало кардинальное изменение не только системы жизнеобеспечения, но и всей ментальности.

Собак называли скотом или скотинкой, а собачью конуру – стаей, стайкой, вообще о ездовых собаках говорили, используя термины коневодства. Применялся парный способ расположения собак в упряжке в отличие ненецкого и гренландского веерного. Заметно отличались от других жителей Якутской области жилища (по направлению с запада на восток, с двумя дверями, открывавшимися вовнутрь на случай заносов во время пурги), подворье (точнее, оно отсутствовало в традиционном его понимании), одежда, пища, особенности промысловых занятий русских старожиллов Арктики. В духовной культуре русскоустыинцы и походчане имели значительно большие заимствования от коренных малочисленных народов Севера (например, обычай *нимат* – обязательное равное разделение добычи между всеми членами общины, включая немощных и малолетних, участниками охоты, известны также попытки русскоустыинцев стать шаманами и т. д.). В Центральной Якутии, где позиции русской православной церкви были более устойчивы, русские, несмотря на соблюдение некоторых якутских обрядов (кормление духов охоты, повязывание ленточек на деревьях, почитание священных деревьев), в быту сохраняли приверженность собственным обычаям и традициям.

Тем не менее, именно колымо-индигирская старожильческая группа, несмотря на свою малочисленность (на начало XX века их насчитывалось чуть более 2 000 человек, в отличие от южной группы – около 25 тыс. человек) смогла сохранить значительную часть своей материальной культуры, оригинальное своеобразие родного старинного языка и национальное самосознание. Главную роль здесь сыграло скорее всего то, что севернорусским переселенцам не пришлось резко менять свой хозяйственно-культурный тип. Поэтому, несмотря на наличие постоянных контактов с местным населением, эта группа не продвинулась дальше стадии этнической адаптации.

В XX веке, с началом интенсивного индустриального освоения Якутии, значительный приток русских и представителей других народов бывшего СССР привел к «размыванию» этнического своеобразия русских старожилов. По переписи 2010 года, в Республике Саха (Якутия) проживает 353 649 человек, назвавших себя русскими. Всю массу современного русско-го населения региона можно разделить на две большие группы: переселенцы, прибывшие в Якутию в период ее промышленного освоения, начиная с 20-х годов XX века и их потомки, а также современные мигранты; русские старожилы, чьи предки поселились в Якутии в XVII – XVIII веках. Установить точную численность каждой из этих составляющих не представляется возможным, так как раздельная статистика никогда не велась. Следует отметить, что по Конституции РС (Я) (статья 42), русские и другие старожилы уравниены в правах с коренными народами и им гарантируется их сохранение и возрождение.

С другой стороны, всплеск этнического самосознания народов республики в 90-е годы прошлого столетия стал катализатором консолидационных процессов и среди русских старожилов Якутии. Следствием этого стало оформление самостоятельных, независимых от других общественных организаций русскоязычного населения края, объединений (Якутский казачий полк, «Потомки государевых ямщиков», Союз русских старожилов РС (Я), «Русскоустыинцы» и др.). По представлению лидеров этих организаций, законом РС (Я) «О перечне коренных малочисленных народов Севера и местностей (территорий) их компактного проживания в Республике Саха (Якутия)» от 11 апреля 2000 года в этот перечень, как ведущие традиционный образ жизни, были включены русские старожилы Арктики (русскоустыинцы и походчане) с распространением на них полагающихся прав и льгот. Однако уже в 2004 году, в результате политики приведения регионального законодательства в соответствие с федеральным законодательством, русские старожилы из перечня коренных малочисленных народов севера Якутии были исключены.

Проблемы взаимодействия этноса, ландшафта и культуры относятся к числу актуальных проблем гуманитарного знания. Многовариантность сочетания различных природных и культурных компонентов, разнородной лексической, хозяйственной и мировоззренческой картин приводила к созданию уникальных хозяйственно-культурных комплексов, одним из ярких проявлений которого является культура русских старожилов Якутии.

Литература

1. Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVII – середина XIX в.). М., 1956. 427 с.
2. Башарин Г. П. История земледелия в Якутии (XVII в. – 1917 г.). Т. 1–2. Якутск, 1990.
3. Вруцевич М. С. Обитатели, культура и жизнь в Якутской области. СПб., 1891. 25 с.

4. Зензинов В. М. Старинные люди у холодного океана. Якутск: Якутский край, 2001. 350 с. с илл.
5. Иванов В. Н. Образование Якутского уезда // Якутский архив. Якутск, 1964. Вып.2. С. 69–82.
6. Иванов В. Н. Русские ученые о народах северо-востока Азии (XVII – начало XX в). Якутск: Кн. изд-во, 1978. 273 с.
7. Игнатъева В. Б. Национальный состав населения Якутии (Этно-статистическое исследование). Якутск, 1994. 144 с.
8. Избекова А. А. Русские земледельцы в Якутии во второй половине XIX века // Ученые записки ИЯЛИ ЯФ АН СССР. Вып.2. Якутск, 1950. С. 95–116.
9. Иохельсон В. Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении // Живая старина. Вып. 2. СПб., 1895. С. 1–37.
10. Калущков В. Н. Ландшафт в культурной географии. М., 2008. 320 с.
11. Кон Ф. Я. Хатын-Арынское скопческое селение // Известия ВСОИРГО. 1896. Т. 26. № 4–5.
12. Майнов И. И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. СПб., 1912. 386 с.
13. Майнов И. И. Помесь русских с якутами. М., 1900. 21 с.
14. Майнов И. И. Олекминские скопцы (историко-бытовой очерк). СПб., 1895. 36 с.
15. Петрова Т. П. Русское население Якутии: проблемы этнокультурной адаптации. Якутск, 2004. 198 с.
16. Романов И. Г. Формирование русского населения Якутии (1917–1941 гг.): историко-демографический очерк. Якутск, 1998. 217 с.
17. Романов И. Г. Русские // Якутия – наш общий дом: очерки истории народов Якутии. Вып. 1. Якутск, 2001. 144 с.
18. Сафронов Ф. Г. Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илима в XVII веке. Якутск: Кн. изд-во, 1956. 210 с.
19. Сафронов Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии (XVII – начало XX вв.). Якутск: Кн. изд-во, 1961. 495 с.
20. Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в.: управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М.: Наука, 1978. 258 с.
21. Строгова Е. А. Русские // Якутия: историко-культурный атлас. М.: Феория, 2007. С. 540–565.
22. Чикачев А. Г. Русские в Арктике: полярный вариант культуры: историко-этнографические очерки. Новосибирск: Наука, 2007. 303 с.
23. Ширкова З. А. История Аллаихи: учебное пособие. Якутск, 2001. 156 с.
24. Щапов А. П. Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении // Известия СОИРГО. Т.3. № 4. Иркутск, 1972. 200 с.

Рецензент – Ульяновский Виктор Иванович,
доктор социологических наук, профессор.